

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ УРОВНЯ БЕДНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ¹

В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет.
г. Белгород, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены основные последствия экономической бедности (бедности работоспособного населения) в качестве препятствий для консолидационного процесса. На основе анализа статистических данных дана оценка уровня бедности жителей городов Белгородской, Воронежской и Курской областей, обоснован вывод о наличии в выбранных регионах потенциала активизации процессов социальной консолидации городских сообществ.

Ключевые слова: социальная консолидация, городские сообщества, город, уровень бедности, социальная исключенность.

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF THE URBAN POPULATION'S POVERTY LEVEL ON THE PROCESS OF SOCIAL CONSOLIDATION OF URBAN COMMUNITIES

V. P. Babintsev, G. N. Gaidukova, Zh. A. Shapoval
Belgorod National Research University,
Belgorod, Russia

Abstract. The article examines the impact of the urban population's poverty level on the process of social consolidation of urban communities. The main consequences of economic poverty (the poverty of the working population), acting as obstacles to the consolidation process, are identified as: extremely negative attitude to the actions of the authorities; social frustration (uncertainty about the future, hopelessness, moral, psychological, social depression); negative public response; social and political passivity. Based on the analysis of statistical data, an assessment of the level of poverty of residents of the cities of the Belgorod, Voronezh and Kursk regions is given, the conclusion is substantiated that there is a potential for activating the processes of social consolidation of urban communities in the selected regions.

Keywords: social consolidation, urban communities, city, poverty level, social exclusion.

Проблема бедности – одна из острейших социальных проблем современной России. Именно бедность определяет ограниченность доступа значительной части населения нашей страны к ресурсам развития: высокооплачиваемой работе, качественным услугам образования и здравоохранения, а также снижает вероятность успешной социализации детей и молодежи. Низкий уровень доходов значительной части семей в сочетании с чрезмерной поляризацией доходов обуславливают социальный разлом общества, вызывают социальную напряженность, препятствуют успешному развитию страны, определяют кризисные процессы в семье и обществе.

Как справедливо отмечают Е.В. Фахрутдинова, Л.М. Хуснутдинова, «отличительной особенностью развития экономики РФ является то, что у нас преобладает бедность трудоспособного населения, не говоря о многодетных и неполных семьях с детьми, семьях с иждивенцами, одиноких пенсионерах, инвалидах» [9, с. 65].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>.

Ключевыми последствиями экономической бедности (бедности работоспособного населения), выступающими препятствиями для консолидационного процесса, являются:

- крайне отрицательное отношение к действиям властей;
- социальная фрустрация (неуверенность в завтрашнем дне, безысходность, моральная, психологическая, социальная депрессия);
- отрицательный общественный резонанс;
- социальная и политическая пассивность.

Официальные расчеты масштабов бедности в России основаны на так называемом абсолютном подходе, предусматривающем отнесение к числу бедных тех, кто имеет денежные доходы ниже прожиточного минимума (ПМ). Прожиточный минимум, в свою очередь, ежеквартально рассчитывается как стоимостная оценка зафиксированного набора продуктов питания, а также доли расходов на товары и услуги, минимально необходимые для жизни.

Росстатом был анонсирован новый подход к определению уровня бедности, начиная с 2020 г., согласно которому в числе прочего будет оцениваться «индекс социальной исключенности, характеризующийся наличием или отсутствием у человека доступа к социально значимым услугам, его включенность в социальные коммуникации, а также финансовое положение. Индекс рассчитывает неспособность индивида полностью участвовать в жизни общества» [4]. К сожалению, позже ведомство заявило о том, что не будет переходить на новую методику определения бедности в ближайшее время.

Риск социальной исключенности оценивается на основе трех групп рисков:

1. Риски исключенности из экономической сферы (8 индикаторов).
2. Риски исключенности из сферы социальных услуг (8 индикаторов).
3. Риски исключенности из общественной жизни и социальных сетей, рассчитываемые на основе следующих индикаторов:
 - ограниченные возможности (отсутствие возможностей) личного общения родителей и детей;
 - отсутствие возможностей приглашать в гости родственников, друзей;
 - отсутствие возможности обсуждения личных проблем с людьми из ближайшего окружения. Отсутствие возможности обратиться за помощью к посторонним людям в случае возникновения проблем;
 - ограниченные возможности включения в социокультурную среду;
 - ограниченные возможности общения в социальных сетях;
 - небезопасность коммуникаций в местном социуме [1].

Процесс социальной консолидации городских сообществ невозможен без первоначального удовлетворения базовых социально-экономических потребностей населения. Проживание «за чертой бедности» не оставляет у индивидуумов ни сил, ни желания участвовать в жизни городского сообщества.

С целью определения специфических характеристик процессов социальной консолидации городских сообществ в регионах проанализируем ряд экономических показателей (численность и динамика малоимущего городского населения, уровень бедности и его динамика), характеризующих возможности (временные и материальные) населения участвовать в процессах социальной консолидации городских сообществ, так как без удовлетворения минимальных материальных потребностей, которые и определяются чертой бедности, нельзя говорить об активном участии городского населения в консолидационных процессах, все потребности и желания сосредоточены на добыче «хлеба насущного».

В качестве объектов сравнения нами были выбраны Белгородская, Воронежская, Курская области. В исследовании также использовались данные в целом по Российской Федерации. Статистической базой исследования стали официальные источники информации за период 2005–2020 годов: Российский статистический ежегодник, ежегодные статистические издания территориальных органов Федеральной службы государственной статистики, статистические бюллетени, Российский демографический ежегодник, оперативные данные

Росстата, данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) [2, 6, 7, 8, 10].

По данным Росстата (рис. 1) риск бедности у городских жителей ниже, чем у сельских, и имеет тенденцию снижения по мере роста численности жителей в городе.

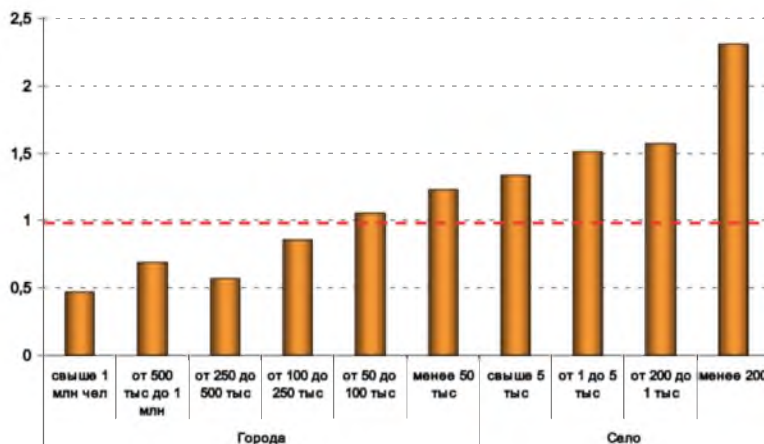

Рис. 1. Риски бедности в различных типах поселений [3]

Для городских поселений выше соотношение денежных доходов с величиной прожиточного минимума и меньше дефицит денежных доходов (рис. 2).

Рис. 2. Профиль бедности: город – село [5]

Уровень бедности городского населения и численность городского населения с доходами ниже прожиточного минимума в исследуемых субъектах РФ и в целом по стране представлены на рис. 3.

По данным Росстата, в Белгородской области за период с 2005 по 2020 гг. количество граждан, проживающих за чертой бедности, существенно снизилось – на 92 506 чел. или на 55,8 %, в том числе за 2015–2020 гг. снижение составило 8 872 чел. или 10,8 %. Уровень бедности городского населения в регионе также сократился за анализируемый период в 2,4 раза и составил 7 % от общей численности населения городов, что на 0,2 % ниже среднерегионального уровня бедности и на 2,7 % ниже общероссийского значения показателя.

Значения исследуемых показателей в Курской области в целом повторяют динамику Белгородской области: общее снижение численности городского населения с доходами ниже прожиточного минимума составило 91 990 чел. или 65,7 %, в том числе в 2015–2020 гг. – 16 253 чел. или 25,3 %. Существенное снижение пришлось на период 2005–2015 гг., затем наблюдался прирост в 2016 г. и устойчивое снижение в 2017–2020 гг. Уровень бедности городского населения региона сократился в 3 раза и составил в 2020 г. 6,4 %, что ниже на 2,1 % среднерегионального показателя и на 3,3 % – общероссийского.

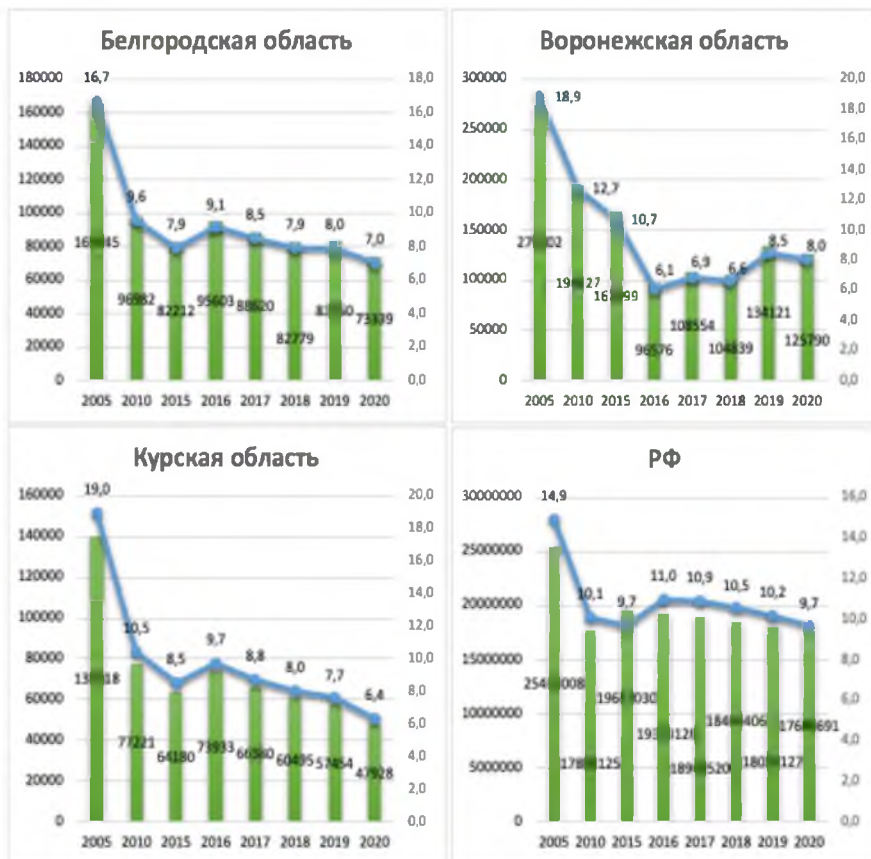

Рис. 3. Уровень бедности городского населения (%) и численность городского населения с доходами ниже прожиточного минимума (чел.)

В Воронежской области тенденция к снижению количества городского населения с доходами ниже прожиточного минимума наблюдалась в 2005–2016 гг.: этот показатель уменьшился за весь период на 178 726 чел. или 65 %. Но в 2017 г. фиксируется прирост доли городских жителей, находящихся за «чертой бедности», на 29 214 чел. или на 30 %. Несмотря на это, уровень бедности городских жителей региона за 2005–2020 гг. снизился в 2,4 раза и составил 8,0 %, что на 1,9 % ниже среднероссийского уровня и на 1,7 % – общероссийского.

Сравнение ситуации в выбранных регионах с общероссийскими показателями позволяет отметить более высокие темпы снижения численности городского населения с доходами ниже прожиточного минимума и уровня бедности во всех анализируемых регионах по сравнению с Российской Федерацией (рис. 4).

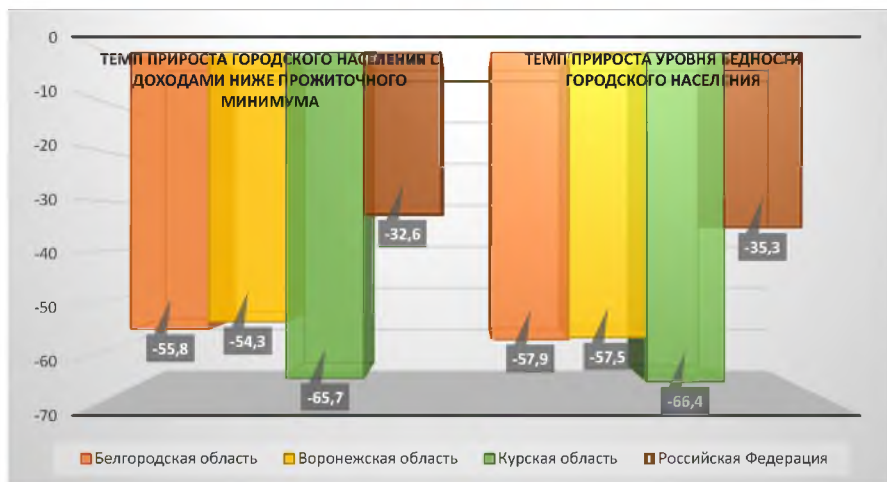

Рис. 4. Темп прироста уровня бедности городского населения и численности городского населения с доходами ниже прожиточного минимума в 2005–2020 гг., %

На протяжении всего исследуемого периода доля городского населения в общей численности жителей с доходами ниже прожиточного минимума выше доли сельского населения (рис. 5), что обусловлено высокой урбанизацией анализируемых субъектов РФ и, соответственно, больше концентрацией населения в городских поселениях.

В Белгородской области рассматриваемый показатель за 2005–2020 гг. вырос на 5,5 %. В 2010 г. по сравнению с 2005 г. доля городского населения в общей структуре бедного населения региона увеличилась на 16,6 % и составила 77,2 %; в 2015 г. по сравнению с 2010 г. – сократилась на 14,8 %; в 2016 г. – снова рост на 13,6 %. Начиная с 2017 г. прослеживается устойчивая тенденция снижения показателя, и к 2020 году он составил 66,1 %, что на 6,4 % выше общероссийского значения.

Еще более нестабильную динамику демонстрирует показатель в Воронежской области: диапазон колебаний от 44,0 % (2016 г.) до 75,8 % (2015), устойчивой тенденции ни к снижению, ни к увеличению значений показателя не наблюдается. Значение показателя в 2020 году составило 55,1 %, что на 4,6 % ниже общероссийского.

В Курской области доля городского населения с доходами ниже прожиточного минимума в общей структуре бедного населения региона на протяжении анализируемого периода снижается достаточно равномерно: общее снижение составило 7,4 % и достигло в 2020 году уровня 51,4 %, что на 8,3 % ниже среднероссийского значения.

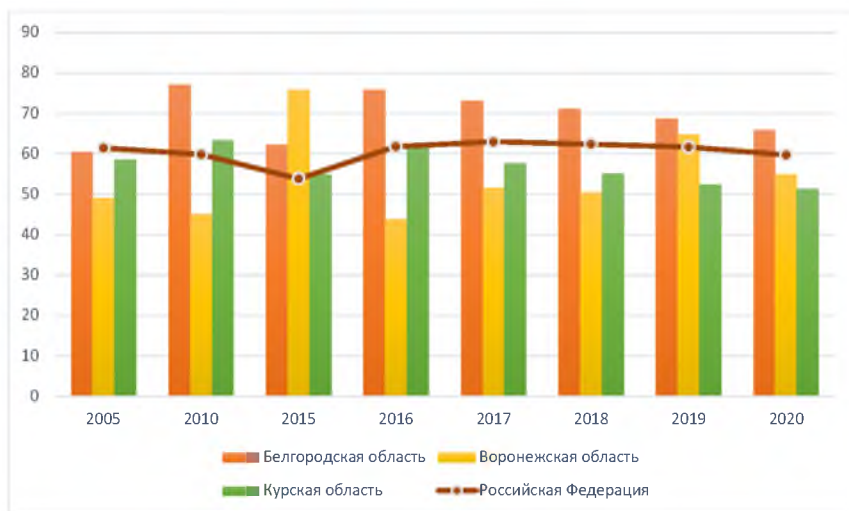

Рис. 5. Доля городского населения в общей численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, %

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии в выбранных регионах потенциала активизации процессов социальной консолидации городских обществ, т.к. достаточно низкая доля городских жителей с денежными доходами ниже прожиточного минимума позволяет отнести исследуемые регионы к наиболее благополучным территориям с высоким потенциалом развития и достатка, что оставляет большей части жителей время, силы и возможности для развития гражданского общества и участия в процессах социальной консолидации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедность: индикаторы материальной депривации, социальной исключенности и многомерной бедности // Институт социальной политики НИУ ВШЭ. Высшая школа экономики. – М., 2017. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/Prez_Ovchar.pdf (дата обращения: 18.06.2021).
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 11.06.2021).
3. Зубаревич Н. Бедность в регионах России, городах и сельской местности. Проблемы статистики, основные факторы и дифференциация уровня бедности. URL: https://isp.hse.ru/data/2018/10/31/1142936160/Zoubarevitch_RU.pdf (дата обращения: 21.06.2021).
4. Росстат измерит «многомерную бедность». Ведомство оценит уровень жизни россиян по международному стандарту. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/04/2019/5cbf433d9a7947e02d081862> (дата обращения: 18.05.2021).
5. Статистика бедности: система показателей, методология и организация статистических наблюдений // Министерство труда и социальной защиты РФ : офиц. сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-1176-src-1549286937.8565.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. URL: <https://belg.gks.ru/> (дата обращения: 18.06.2021).

7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области. URL: <https://voronezhstat.gks.ru/> (дата обращения: 18.06.2021).
8. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. URL: <https://kurskstat.gks.ru/> (дата обращения: 18.06.2021).
9. Фахрутдинова Е.В., Хуснутдинова Л.М. Бедность населения России: тенденции развития // Экономические науки. – 2012. – № 12 (97). – С. 63–66.
10. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.06.2021).

УДК 130.3

ПОИСК КОНСОЛИДИРУЮЩЕГО САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДЕ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЙ МАССЫ

А.И. Бобков, А.А. Бобков

Восточно-Сибирский институт МВД России.
Иркутский государственный университет.
г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье представлено философское осмысление столкновения пространства, консолидирующего массу секулярного характера, и пространства сакральной конъюнкции этнокультурного сообщества в условиях индивидуализированного общества. Показаны тактики разрушения неономадическим сообществом индивидуализированной идентичности пространств репрезентации этнокультурной субъектности. Поставлена проблема самоактуализации практик сакрализации городского пространства в контексте противодействия археоавангарда сконструированной этноархаике.

Ключевые слова: сконструированная этноархаика, этнокультурная идентичность, индивидуализированная масса, русофобия, пространство, консолидация, дезинтеграция, неономад.

SEARCH FOR A CONSOLIDATING SACRED SPACE OF ETHNOCULTURAL IDENTITY IN THE CITY OF INDIVIDUALIZED MASS

A.I. Bobkov, A.A. Bobkov

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia

Abstract. The article presents a philosophical understanding of the collision of the space of the secular nature consolidating the mass and the space of the sacred conjunction of the ethnocultural community in the conditions of an individualized society. The tactics of destruction by a non-nomadic community of the individualized identity of the spaces of representation of ethnocultural subjectivity are shown. The problem of self-actualization of the practices of sacralization of urban space in the context of countering the archaeo-avant-garde to the constructed ethnoarchaic is posed.

Key words: constructed ethnoarchaic, ethnocultural identity, individualized mass, Rus-sophobia, space, consolidation, disintegration, neonomad